

Татьяна Рогозовская
В город «О» — Энн

Голубая книжечка «Из города Энн» мелькнула в каком-то питерском книжном, но почему-то я сразу ее не купила... А потом, в Москве, купила и начала читать и с первого абзаца «Я в мае окончил четвертый класс 131-й мужской средней школы Кагановичского района г. Киева...» возопила (на весь троллейбус): «Я тоже!». Правда, это было через десять лет после Омри, школа не была мужской, да и район, кажется, уже Московский. Но это, естественно, не мешало дальнейшему чтению, тем более, что все-таки кое-что удавалось и раньше прочесть в «Звезде». А потом случилась наша переписка, продолвшаяся пять месяцев, латинкой, но на трех языках (русский, украинский, английский). Оборвалась она неожиданно, по «коммуникативной неудаче». Через какой-то промежуток времени я была «прощена», но как бы «взамен» Омри поспорился со своим «однокорытником»...

Письма эти я хранила, как личное «достояние» и вовсе не собиралась их предавать гласности, но, кажется, они все же пропали, так что Омри меня не в чем будет упрекать уже «оттуда». Мы писали обо всем — о Киеве, о Литературе (тоже с большой литеры), об общих знакомых и незнакомых. Однажды мы оказались рядом — по алфавиту — в списке благодарностей (к комментариям «Мастера и Маргариты»), а потом он подарил мне одну фразу о романе «Белая гвардия» («последнее русское произведение о чести») и разрешил сослаться на его устное выступление.

В одном из писем, сохранившихся в компьютере, он очень высоко «заценил» мою проговорку и настаивал, чтоб я ее дове-

ла до конца и предлагал свою помощь. Но — увы, несмотря на все мои попытки написать, ничего у меня не получилось (мешало не только то, что в музее устный жанр). Об этом стихотворении написано, наговорено и даже пропето очень много, но на самом деле никто почему-то этого не заметил. Итак, процитирую (на латинке) письма Омри Ронена в ответ на мои:

Т. (это я): Ya naobizhalas' v detstve, bratets menia zavospital. Normu vypolnila „BOley,BEd i OBId“ (vzaimnyh, gde auknulos' „BOBEOBI“).

О. (это Омри): Zdorovo eto bobeobi v poslednem stishke Maiakovskogo! Kto eto zametil?

Т.: A vot — ot etih samykh "boley" zametila -ya.

(Я обращалась к двум дважды землякам Омри — они родились в Одессе, но живут в Киеве. Один из них отправил меня по знакомому адресу, а другой начал что-то говорить, подводя «теоретический фундамент», но я не успела записать. Так вот — без фундамента и примите).

О.: Eto Vy zamechatel'no dogadalis' naschet bobeobi. No, tut, konechno, fakt biografii Maiakovskogo, a ne Khlebnikova, Maia-kovsky, kak u nego byvalo, dal dazhe svojim poslednim stikham „zaumnoe reshenie“, boli, bedy i obidy eto tol'ko pelis' guby. Nepremenno eto napechatajte, nepremenno. Esli napishete, mozhno dat' v „Zvezdu“, naprimer, tak dojdete do bolee shirokogo chitatelia. Stat'ia o Zvukosimvolizme bobeobi byla u pokojnogo M. I. Shapira v sb. v chest' Vladimira Markova, to byl nedurnoj sbornik. Eshche raz spasibo za to, chto ispravili moiu marazmaticheskuiu oshibku naschet perevoda M&M. Nepremenno napishite pro bobeobi. Eto zamechatel'no tonko.

Т.: Mne Vashe dobroe slovo trizhdy priyatno. Mayakovskiy byl, konechno, s detstva, v ushah, no koe-chto iz Hlebnikova otec chital napamiat' (O rassmeytes' smehachi... etc). Omry, miliy, nu chto ya mogu napisat' — pelis' i pelis' guby. Nutrom — kak govoril Chapaev chuyu. Ya prosto uslyhala i uvidala, stranno, chto etogo nikto ne uvidel do menia. Mozhno, ya vam podariu dlia „Shrama“? Ved' mne eto sovsem nekuda podshit'-prishit'. Bulgakov napisal stihy v 30-m, s otsylkoy k Mayakovskogo

predsmertnym, edinstvenno, chto vseh 3-h soediniaet — ljubov' k Gogolu, bolee nichego. Ya mogu tol'ko ot pechki — ot togo samogo Saardama. Pro „Bogovo logovo“ Shargorodskiy napisal — v NLO. V 2003-m ya vystupila na Mayakovskih chteniyah (ugadayte s 3-h raz — konechno, M. Bulgakov). Vprochem, tot zhe Serezha podaril mne nekiy text, nerazgadanniy — na parodii na „Beluyu gvardiyu“ — „Belaya staya“ — stihi, posvyaschennye Mayakovskomu. Esli smogu, vyshlu Vam, text otskanirovan, no vrode uzhe probovala, on ne otpravliaetsia. I chto eto budet? „Vzgliad i nechto“? Vy menia strashno smutili, pryam narushili pokoy. Podarok Vam — ispol'zuyte kak hotite. Esli ya may prozhivu etot, to chto-to poprobuyu delat'. Tetiana

O.: Sovetuiu Vam napisat' pro predsmertnye stikhi Maikovskogo. Nedarom on i Jakobsonu skazal po povodu logicheskoy zadachi v 5-m Internatsionale: A ty zametil, chto reshenie u moej zadachi zaumnoe?

Eto ottogo, chto sheiu zakruchivat' vintom, t. e., ia polagaiu, i na Kruchenykha namek. A zaum' vedet i v zagrobnyj mir, ia ob etom pisal, kazhetsia. Poetomu ia schitaiu vazhnym, chto pered smert'iu poiavliaetsia bobeobi. Vash O.

T.: Mne samoy tozhe pokazalos' (chto ya „ugadal“), a pochemu ne sreagirovali „mal'chiki“ — ne znayu.

O.: Eto Vy naprasno. Pravo, napishte zametku. Perechitajte Jakobsona „O pokolenii“. Vy ved' liubite i Brodskogo, mozhetе sunut' tuda zhe i Bobo mertva, no shapki ne doloj. Eto interesno, chto u Annenskogo byla zaum' detskogo i sobach'ego iazyka i mezhdometij v sonete „Chelovek“. No byl by moj svobodnyj dukh — Teper' ne dukh, ia byl by bog... Kogda b ne pil' da ne tubo Da ne tiu-tiu posle bo-bo.

Потом я получила еще одно ЦУ: «Вашу догадку толпа осмеёт, но лично я люблю именно такие сопоставления. Немедленно всё бросайте, и пишите статью». (Это уже другой адресат).

Напомню все-таки текст:

Бобэ́бби пѣлись губы
Вэ́эбми пѣлись взоры

Пиэо пѣлись брови
Лиээй — пѣлся облик
Гзи-гзи-гзео пѣлась цѣпь
Такъ на холстѣ какихъ-то соотвѣтствій
Внѣ протяженія жило Лицо.

Бобэоби пелись губы, / Вээоми пелись взоры, / Пиэо пелись брови, / Лиээй — пелся облик, / Гзи-гзи-гзео пелась цепь. / Так на холсте каких-то соответствий /Вне протяжения жило Лицо. (1908—1909) «...стихотворение всего из семи строк, появившееся в печати в 1913 году и с тех пор не перестающее тревожить воображение филологов (Р. О. Якобсон, Ю. Н. Тынянов, Р. В. Дутанов, М. И. Шапир и др.) Именно в чтении это стихотворение постигается, именно озвученное голосом оно раскрывается как грандиозная картина. Известные нам слова мы как бы произносим и слышим впервые. SINE ARTE, NINIL (Сборник научных трудов в дар профессору Миливое Йовановичу). «Пятая страна», Москва—Белград, 2002. Сергей Бирюков «О Велимире Хлебникове» с. 42—43.

* * *

Стихотворение В. Хлебникова «Лицо» (1911) или «Бобэоби» («1908—1909»(?)) своим появлением засвидетельствовало существенный разрыв в русской поэтической традиции. Ведущий арбитр и активный участник литературного процесса этого времени В. Я. Брюсов оценил это как „бессмысленные сочетания звуков“, что подтвердило трудность интерпретации этого стихотворения и продолжения „диалога текстов“ в возникшей ситуации.

Однако при первом же взгляде на это стихотворение можно узнать „лицо“: „губы“, „взоры“, „брови“, „облик“ — почти стандартные, „общие места“ представления „лица“. Особенностью этих „черт лица“ является здесь прежде всего то, что все они имеют один и тот же предикат — все они „пелись“. Обращает на себя внимание форма залога этого глагола: это может быть активно-возвратное действие („губы“

как субъект „пели себе“) и пассивное („губы“ как объект „пелись = воспевались кем-то“ — неопределенно-личным субъектом). Стоит отметить, что эта ситуация — быть субъектом или объектом — для „лица“ здесь в целом остается амбивалентной, переходя из ситуации „или-или“ в ситуацию „и-и“.

Само по себе „пение всего“ возвращает нас к переживаниям, связанным, с одной стороны, с кругом смыслов Библейского «Всякое дыхание да хвалит Господа» («Текст среди текстов: интертекстуальные особенно стихотворения «Бобэоби» Хлебникова. М. И. Лекомцева).

* * *

Ср. поздний автокомментарий: «Б, или ярко-красный цвет, а потому губы — бобэоби...» (Хлебников В. Творения. М., 1987, С. 661)

Михайль Семенко

МІСТО

Осте сте
бі бо
бу
візники — люди
трамваї — люди
автомобілібілі
бігорух рухобіги
рухливобіги
berceus* кару
селі
елі
лілі
пути велетні
диму сталь
палять
пах

пахка
пахітоска
дим
синій
чорний ди м
пускають
бензин
чаду жить
чаду благать
кохать кахикать
життедать
життерух
життебензин
авто трам. Київ. 1914 р.

ГОРОД

Осте стэ
би потому что
бу
извозчики — люди
трамваи — люди
автомобілібілі
бігорух рухобіги
рухливобіги
berceuse* казнь
селе
эли
лили
пути великаны
дыма сталь
жгут
пах
пахка
пахітоска
синий дым
черный ди
м
пускают

бензин
чада жить
чада умолять
кохать кахикать
життедать
життерух
життебе-
нзин
авто
трам. Киев, 1914 23.V.

* * *

К поэту подходит еще один студент. Он жалуется на непонятность стихотворения. Маяковский тихо спрашивает: какое стихотворение, где напечатано?

Маяковский обращается к аудитории:

— Товарищи! Выясняется: стихотворение, которое непонятно, не мое, а Хлебникова. (*Хохот, аплодисменты.*) Так всегда бывает: или не мое стихотворение, или так вырван кусок, что получается бессмыслица. (Славинский В. И. Последнее выступление В. В. Маяковского).

* * *

Недавно перелистал второй том Краткой литературной энциклопедии и крайне удивился, не обнаружив там объяснения такого понятия, как записная книжка. В толковом словаре объяснение есть: маленькая тетрадь для заметок.

Да, совершенно верно, маленькая тетрадь, но ведь кроме того записная книжка — это еще и литературный жанр. В собраниях сочинений им отводится особое место. Мы знаем записные книжки Пушкина, Чехова, Стивенсона, Уитмена, Блока, Ильи Ильфа, Мих. Пришвина, Юрия Олеши... Однако не могу сейчас вспомнить случая, когда записная книжка публиковалась хотя бы в выдержках при жизни автора. Исключение, пожалуй, одно: публикация „Выдержек из записных книжек“ П. Вяземского.

Обычно, если речь идет о записной книжке писателя-классика, ее печатают полностью, в других случаях друзья и наследники отбирают то, что, по их представлениям, заслуживает внимания читателя. Но и в том и в другом случае делается это уже после смерти автора, то есть без его участия.

А ведь, пожалуй, жаль. Записная книжка ведется, как правило, для себя, в нее заносится то, что, по мнению автора, может пригодиться ему в работе: увиденное, услышанное, подсмотренное, наблюденное. Так называемые сценки с натуры.

Сюжеты. Характеры. Характерные словечки и выражения. Пейзажные зарисовки. И наряду с этим - выдуманное, сочиненное, вымышленное. А также и выдержки из чужих книг, цитаты.

Далеко не все из накопленного таким образом идет в дело. Даже у такого мастера, такого блестящего профессионала, каким был Чехов, в его записных книжках осталось очень много невычеркнутого, то есть не использованного в работе. Кое-что просто не пригодилось. А есть заметки, которые и не могли быть использованы. Они живут сами по себе, как особый жанр наимельчайшего, микроскопического рассказа. „Тупому ножу трудно резать“. В. Хлебников {265} Такой же невольный каламбур, игра созвучий.

В тридцатом году Ляля спрашивает у меня:

— Скажи, пожалуйста, я давно хотела тебя спросить. Что такое ит?

— Какой ит? Что за ит?

— А вот у Маяковского в предсмертных стихах сказано: любовная лодка разбилась об ит... (Пантелеев Л. Из старых записных книжек (1924—1947)

* * *

Как говорят, инцидент исперчен.
Любовная лодка разбилась о быт.
С тобой мы в расчете. И не к чему перечень
взаимных болей, бед и обид.

* * *

Море уходит вспять.
Море уходит спать.
Как говорят, инцидент исперчен.
Любовная лодка разбилась о быт.
С тобой я в расчете. И не к чему перечень
взаимных болей, бед и обид.

* * *

Как говорят —
«инцидент исперчен»,
Любовная лодка
разбилась о быт.
Я с жизнью в расчете
И не к чему перечень
Взаимных болей,
бед
и обид.

Счастливо оставаться.

Владимир Маяковский.

Выписок было еще много (и записи «АукцЫона», и «квест» от «Бобэоби» к «Белой гвардии» и т. п.), но «подражания» М. Л. Гаспарову — увы — не получилось...

Что же сказать на прощанье? Проходя по парку имени Шевченко (бывшему Николаевскому) мимо дома Мороза, который я снимала и отсылала Омри (а он помнил всех соседей, даже тех, которых не застал) еще раз повторить за Жуковским: «...нет, но с благодарностию: были».